

В отличие от ситуации начала 1930-х гг., в 1933 г. сталинское руководство получило более достоверную информацию о размерах урожая зерновых хлебов благодаря созданию Центральной государственной комиссии по урожайности при СНК СССР (ЦГК) – специального органа по контролю над урожаем. В 1933 г. ЦГК, имея свои структуры на местах, своевременно провела работу по установлению реальных размеров урожая зерновых в основных регионах СССР [6, с. 352–353]. Это позволило в свою очередь составить для регионов выполнимые планы хлебопоставок.

Во второй половине 1933 г. благодаря этим и другим мерам определилась тенденция в сторону организационно-хозяйственного укрепления колхозно-совхозного строя.

УДК 94(47).084.8

В.Б. ЛАПЕРДИН

ПОСЛЕДСТВИЯ ГОЛОДА 1946–1947 гг. В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: laperdin2011@mail.ru

В статье рассматриваются последствия голода 1946–1947 гг. на территории Омской области: его влияние на демографическую и социальную сферы общества. Голод привел к негативным изменениям динамики смертности населения и ее состава. Он имел ряд социальных особенностей, поражая наименее защищенные слои населения. После преодоления голода произошла стабилизация социально-демографических процессов.

Ключевые слова: историческая демография, голод, смертность, показатели смертности, социальная политика властей.

Для первых послевоенных лет был характерен демографический кризис, связанный не только с тяжелыми последствиями Великой Отечественной войны, но и вызванный новым социальным потрясением – голодом 1946–1947 гг. В основном голод проявился в Молдавии и на Украине, тем не менее, его влияние ощущалось и в других регионах страны, в том числе и в Западной Сибири. Цель настоящей статьи – рассмотреть демографические и социальные последствия голода 1946–1947 гг. в Омской области. Хронологические рамки исследования включают 1946–1950 гг., это был период складывания предпосылок голода, собственно голода и выхода из него.

Источником для написания статьи послужили документы текущего учета населения, в которых регистрировались случаи смерти и их половозрастные характеристики, позволяющие судить о влиянии послевоенного кризиса на демографическую подсистему общества. Кроме того, при написании статьи использовалась делопроизводственная документация местных органов власти (в частности, Омского обкома и облисполкома). В ней содержатся ценные сведения о ситуа-

ЛИТЕРАТУРА

1. Голод в СССР. 1929–1934. М., 2011. Т. 1: 1929 – июль 1932.
2. Голод в СССР. 1929–1934. М., 2012. Т. 2: Июль 1932 – июль 1933.
3. Есиков С.А. Российская деревня в годы НЭПа: к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации. М., 2010.
4. Окунда Х. «От сохи к портфелю»: деревенские коммунисты и комсомольцы в процессе раскрестьянивания (1920-е – начало 1930-х гг.) // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 5–7 декабря 2008 г.). М., 2011.
5. Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004.
6. Важнейшие решения по сельскому хозяйству для политотделов МТС и совхозов. М., 1933.

Статья поступила
в редакцию 17.07.2013

ции на местах – в отдельных районах или населенных пунктах области, пораженных голодом.

Вопрос о характере событий тех лет впервые поставил И.М. Волков в опубликованной в 1966 г. статье. Голод отрицался, но при этом автор подчеркивал кризис, приведший к росту смертности [1, с. 26–27]. Первое прямое упоминание о голоде 1946–1947 гг. содержится в коллективной монографии «Крестьянство в годы упрочнения и развития социалистического общества, 1945 – конец 1950-х годов» [2, с. 183]. В современной историографии можно выделить две основные точки зрения на причины возникшего кризиса. Объективные факторы возникновения голода отстаивает И.М. Волков, полагая, что засуха 1946 г. стала для нашей страны одной из сильнейших в XX в [3]. Аналогичную мысль высказал В.В. Кондрашин, утверждавший, что голод 1946–1947 гг. нельзя квалифицировать как «организованный», «поскольку у сталинского режима отсутствовал главный мотив его «организации» – крестьянское сопротивление колхозно-совхозному строю» [4, с. 330]. Противоположной точки зрения придерживаются В.Ф. Зима [5] и В.П. Попов [6], заос-

тряющие внимание на социальной политике властей, в частности, сокращении карточной системы в 1946 г., завышении планов хлебозаготовок, оставивших колхозников без продуктов питания, сохранении госрезервов зерна и крайне неохотном их разбронировании для оказания помощи голодающим.

На региональном уровне проблема послевоенного голода в СССР до сих пор остается «белым пятном». В литературе существует мнение, что в Западной Сибири голода не было, так как в 1946 г. здесь не наблюдалось засухи. Этой точке зрения противостоят региональные историки. Впервые данную проблему сформулировал В.А. Исупов [7]. Однако его статья ограничивается только постановкой вопроса. В дальнейшем изучение послевоенного кризиса практически не получило развития. На примере Новосибирской области А.А. Бурматовым было показано, что в конце 1946 – первой половине 1947 г. голод поразил сельские районы. По его мнению, голод продолжался в 1948 г. и закончился только в 1949 г. [8]. В третьем выпуске сборника «Политика раскрестьянивания в Сибири» отражен ход предшествовавшей голоду хлебозаготовительной кампании 1946 г. в Новосибирской области, в результате которой из колхозов была изъята значительная доля произведенной продукции [9]. Кроме того, хлебозаготовительная кампания 1946 г. в Новосибирской области описана в статье В.А. Ильиных [10].

Как показывают данные табл. 1, в 1947 г. наблюдалось повсеместное повышение смертности. В РСФСР оно оказалось меньше, чем в целом по Советскому Союзу, включавшему районы, особенно сильно пострадавшие от голода – Молдавию, Украину. В Запад-

ной Сибири кризис проявил себя в меньшей степени. Тем не менее и здесь произошло увеличение показателей смертности. В Омской области смертность увеличилась как в сельской местности, так и в городских поселениях. Уже в 1948 г. произошло снижение ее показателей во всех регионах СССР, однако полностью ситуация стабилизировалась только в 1949 г., когда смертность достигла докризисного уровня. Движение показателей смертности в Омской области соответствует ее общесоюзным тенденциям, что свидетельствует о влиянии послевоенного голода.

Во время голода смертность увеличивалась в основном за счет детей. В 1946 г. в РСФСР из 1 тыс. новорожденных до одного года не дожило 124 ребенка, а в 1947 г. – 170 детей¹. В Западной Сибири, по данным ЦСУ, за этот же период их увеличение произошло с 71 до 121 случая². В том числе в городах Омской области с 96 до 152 смертей, в сельской местности – с 54 до 97³.

Возрастной состав умерших в 1946 г. определялся процессами, происходившими в последние годы Великой Отечественной войны. Низкая рождаемость и невысокие показатели младенческой смертности обуславливали снижение доли детской возрастной группы в структуре смертности. Как показывают данные табл. 2, дети и подростки до 16 лет составляли 37,8 % всех умерших в городах Западной Сибири и 35,3 % в сельской местности (большая их часть это младенцы, не дожившие до одного года). По мере взросления ребенка его выживаемость увеличивалась. В трудоспособном возрасте 16–49 лет в 1946 г. скончались 31,9 % всех умерших в городах и 24,5 % в сельской местнос-

Т а б л и ц а 1

**Динамика смертности населения СССР, РСФСР и Западной Сибири
(число умерших на 1 тыс. чел. населения)***

Год	СССР	РСФСР	Западная Сибирь	Омская область	
				Городские поселения	Сельская местность
1946	15,8	12,3	10,3	12,3	14,0
1947	20,3	17,0	14,1	15,2	16,4
1948	13,6	13,1	12,6	12,6	12,7
1949	12,6	11,7	11,5	9,8	11,2
1950	11,7	11,5	11,9	9,5	11,3

* Составлена по: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1991. С. 71; Они же. Демографическая история России: 1926–1959 гг. М., 1998. [Электронный ресурс]. URL: www.demoscope.ru/weekly/knigi/andr_dars_khar/adk.html (дата обращения: 09.10.2013); РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 636. Л. 49–50, 106–107, 150–152, 194–195; Д. 696. Л. 52–53, 110–111, 157–159, 198–199; Д. 758. Л. 18, 40, 58–59, 75; Д. 841. Л. 18, 40, 58–59, 77; Д. 909. Л. 18, 41, 60–61, 77; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401а. Л. 10 об., 30 об.; Д. 7406а. Л. 8 об.; Д. 7412а. Л. 15а об.; Д. 7429. Л. 91 об., 99 об.; Д. 7430. Л. 28 об., 3 об., 70 об.; Д. 7448. Л. 39 об., 52 об., 81 об.; Д. 7464. Л. 45 об., 89 об., 115 об.

¹ Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1926–1959 гг. М., 1998. [Электронный ресурс]. URL: www.demoscope.ru/weekly/knigi/andr_dars_khar/adk.html (дата обращения: 09.10.2013).

² Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 636. Л. 49–50, 106–107, 150–152, 194–195; Д. 696. Л. 52–53, 110–111, 157–159, 198–199; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401а. Л. 10–10 об., 30–30 об.; Д. 7406а. Л. 8–8 об.; Д. 7412а. Л. 15а – 15а об.; Д. 7429. Л. 91–91 об., 99–99 об.

³ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 636. Л. 150–152; Д. 696. Л. 157–159.

ти. В возрастной группе старше 50 лет умерло соответственно 29,7 и 38,6 %. Невыясненный возраст остался только у 0,6 % умерших в городах и у 1,6 % в сельской местности.

Голод 1947 г. изменил возрастную структуру смертности, «помолодевшую» под действием экзогенных факторов. Произошел заметный рост смертности в детской возрастной группе. В 1947 г. в городах Западной Сибири дети до 16 лет составляли 47,2 % от умерших, в сельской местности – 47,0 %. Высокая смертность среди детей определила уменьшение доли других возрастов в структуре смертности. В возрасте от 16 до 49 лет скончалось в городах 25,7 %, а в сельской местности 20,3 %. Старше 50 лет соответственно 26,3 и 32,0 %.

Как показывают данные табл. 2, в Омской области наблюдались аналогичные процессы. Произошел резкий рост детской возрастной группы в составе умерших в 1947 г. за счет сокращения трудоспособного возраста и людей старшего возраста. Однако в городских поселениях умерших детей было меньше, чем в сельской. В селах и деревнях доля старшей возрастной группы оказалась значительно выше, что соответствовало региональным тенденциям.

До октября 1946 г. рабочие совхозов находились на пайковом снабжении, но затем были сняты с государственного обеспечения. Министр заготовок СССР Б.А. Двинский в своем письме к А.И. Микояну еще в июле 1946 г. ставил вопрос об экономии хлеба [11, с. 222]. 23 сентября 1946 г. он писал И.В. Сталину: «Я прошу, товарищ Сталин, дать указание немедленно сократить расход по всем статьям. Нельзя иметь такие огромные контингенты снабжения (чуть не полстраны) и такие высокие нормы в исключительно неурожайный год» [Там же]. Б.А. Двинский предлагал экономии хлеба за счет населения. Уже на следующий день, по словам А.И. Микояна, Сталин «поставил этот вопрос смело и круто» [11, с. 223]. 27 сентября 1946 г.

Политбюро утвердило постановление СМ СССР и ЦК ВКП(б) «Об экономии в расходовании хлеба». Министерство торговли сократило контингент населения, снабжаемого хлебом по карточкам с 87 до 60 млн чел. (из них 23 млн сельские жители) за счет иждивенцев, рабочих и служащих совхозов [Там же]. На паек могли рассчитывать только городские жители, а в деревнях ими обеспечивалась незначительная часть населения. Если в сельской местности Омской области в сентябре 1946 г. на карточном снабжении находилось 382 тыс. чел., то в октябре – только 50 тыс. чел.⁴ В меньшей степени эта мера отразилась на горожанах. В Омской области было снято с пайкового обеспечения 24 760 городских жителей⁵.

Засуха 1946 г., в наибольшей степени проявившаяся на Украине, Молдавии и ряде областей РСФСР, обошла Западную Сибирь. Поэтому данный регион рассматривался в качестве важного поставщика для формирования хлебных резервов страны. Хлебозаготовительная кампания 1946 г. прошла «ударными» темпами, из колхозов и совхозов изымалась значительная часть произведенной продукции. В итоге колхозники Сибири, как и в других областях страны, получили на заработанные трудодни минимум хлеба. Тем не менее в Западной Сибири ситуация оказалась лучше, чем во многих регионах РСФСР. В расчете на один колхозный двор в 1946 г. было получено колхозниками в целом по РСФСР 1,9 ц зерновых и бобовых, в том числе в Поволжье – 1,3, Центрально-Черноземной области – 1,6, на Урале – 2,8 ц. Больше всех получили крестьяне Западной Сибири – 3,4 ц на один двор [12, с. 136]. Однако усредненные данные не характеризуют положение на местах, так как в одних колхозах крестьяне могли получить больше, а в других – меньше. Председатель Шербакульского райисполкома Омской области С. Конов писал в облисполком о том, что в колхозах района выдано на трудодни 260 г зерна и 62 коп. деньгами, в то время

Т а б л и ц а 2

Возрастной состав умерших в Западной Сибири и Омской области в 1946–1947 гг.*

Год	Городские поселения			Сельская местность		
	0–15 лет	16–49 лет	Старше 50 лет	0–15 лет	16–49 лет	Старше 50 лет
<i>Западная Сибирь</i>						
1946	37,8	31,9	29,7	35,3	24,5	38,6
1947	47,2	25,7	26,3	47,0	20,3	32,0
<i>Омская область</i>						
1946	36,2	33,6	29,2	37,6	24,0	36,4
1947	44,1	26,1	28,8	46,7	20,8	30,9

* Составлена по: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 461. Л. 1–1 об., 26–26 об., 47–47 об., 67–68 об.; Д. 567. Л. 1–1 об., 22–22 об., 45–46 об., 66–66 об.; ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 7401. Л. 24–24 об.; Д. 7406а. Л. 15–15 об.; Д. 7412а. Л. 23–23 об., 83–83 об.

⁴ Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 17. Оп. 1. Д. 4721. Л. 76.

⁵ Там же.

как в 1945 г. было выдано 890 г зерна⁶. Похожая ситуация сложилась в совхозах области, которые отдали значительную часть произведенной продукции государству. Так, совхозы Омского союзмолтреста перевыполнили план сдачи зерна государству на 5 263 т, вследствие чего в большинстве совхозов не были созданы фонды общественного питания⁷.

В итоге уже к концу 1946 г. в ряде сельских местностей Омской области сложилась кризисная ситуация. Так, согласно донесению в облисполком секретаря районного комитета ВКП(б) и председателя райисполкома Солдатского района только в двух совхозах – Кошкульском и Маркутлинском – в конце ноября 1946 г. насчитывалось 598 «остронуждающихся», «которым необходимо оказать срочно продовольственную помощь»⁸.

В начале 1947 г. положение ухудшилось. Председатель Шербаккульского исполкома писал в марте в облисполком о голодающих колхозниках: «по данным на 01.03.1947 г. таковых насчитывалось инвалидов Отечественной войны 94 чел., семей, мужья которых погибли на фронте[,] 270 чел., семей военнослужащих 119 чел., и от колхозников 331 семьи с количеством 1488 человек»⁹. На начало марта в районе было 40 больных дистрофией¹⁰. Критическое положение сложилось и в других районах области. В Шарাপовском совхозе Саргатского района в конце февраля 1947 г. отмечен 31 больной дистрофией, общественное питание для рабочих не было организовано, а задолженность по зарплате составляла 262 тыс. руб., кроме того, нарушались условия функционирования карточной системы – хлеб отпускался по распоряжению директора совхоза¹¹. В Алабатинском зерносовхозе Русско-Полянского райсовета в начале марта было учтено 25 больных дистрофией¹². В основном это были семьи погибших на фронте военнослужащих.

Критическое положение в ряде мест сохранялось вплоть до лета 1947 г. По сообщению Солдатского районного комитета, в конце июня в 28 из 41 колхоза «совершенно не имеется хлеба и не имеется у колхозников картофеля»¹³. Районные власти приняли на учет 1 412 семей инвалидов войны, погибших воинов и военнослужащих, которым требовалась немедленная продовольственная помощь. Согласно сообщению председателя исполкома Колосовского райсовета в Омский облисполком от 2 июля 1947 г., в ряде колхозов района на почве недоедания у колхозников наблюдались различные заболевания, в связи с чем районные власти просили выделить для 150 остронуждавшихся семей (в основном это семьи военнослужащих и погибших на войне) 5 т продовольственного зерна¹⁴.

Послевоенный продовольственный кризис в Омской области имел ряд особенностей. Во-первых, голод затронул в основном сельские районы. Городское население, находившееся на пайковом обеспечении, испытывало, по всей видимости, латентную форму голода, выражавшуюся в недоедании и отсутствии в рационах горожан необходимых белков, витаминов и других питательных элементов. На фоне тяжелой эпидемической обстановки это вызвало повышение заболеваемости и смертности в городских поселениях области. Во-вторых, голод в сельской местности носил локальный характер и поражал отдельные населенные пункты. Он имел характер «чересполосицы», проявлялся в одних районах и мог принимать латентную форму в других. Вероятно всего, характерный для Омской области кризис потребления в конце 1946 г. – первой половине 1947 г. приобрел форму голода только в отдельных деревнях и селах. В-третьих, голод носил ярко выраженный социальный характер и проявлялся в основном у наименее социально защищенных групп населения. Подавляющая часть населения находилась на самообеспечении. Однако определенные группы населения не могли существовать без государственной помощи. Это многодетные семьи, матери-одиночки, семьи, чьи кормильцы находились в армии или погибли на фронте, престарелые люди, оставшиеся без помощи детей. Тяжелые последствия войны привели к численному росту этой категории населения. Именно они стали жертвами голода 1946–1947 гг.

Областные власти реагировали на поступающие с мест просьбы о помощи. Однако их действия были ограничены скудными ресурсами и невозможностью разбронировать продовольственные фонды без разрешения Москвы. Именно поэтому Омский облисполком, хотя и оказывал ограниченную помощь жителям наиболее пострадавших населенных пунктов, возлагал на районные исполкомы ответственность за помощь голодающим. Так, 9 апреля 1947 г., в самый разгар продовольственного кризиса, облисполком разослал райисполкомам циркуляр, в котором ответственность за бедственное положение семей погибших на фронте воинов и военнослужащих, не вернувшихся до сих пор из армии, возлагалась на председателей колхозов, директоров совхозов и руководителей учреждений и различных организаций. Им предлагалось до 1 мая 1947 г. проверить материально-бытовые условия таких семей и оказать им помощь за счет имеющихся у колхозов, совхозов и организаций фондов. Проследить за выполнением распоряжения должны были райисполкомы¹⁵. Однако это распоряжение не могло быть приведено в исполнение, потому что именно из-за отсутствия у колхозов и совхозов продовольственных фондов в области имели место случаи голодания крестьян.

Таким образом, голод 1946–1947 гг. имел ряд негативных последствий в Омской области. Он про-

⁶ ГИАОО. Ф. 437. Оп. 24. Д. 21. Л. 24.

⁷ Там же. Д. 20. Л. 24.

⁸ Там же. Д. 8. Л. 136.

⁹ Там же. Д. 21. Л. 24.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 20.

¹² Там же. Л. 22–22 об.

¹³ Там же. Л. 53.

¹⁴ Там же. Л. 52.

¹⁵ Там же. Л. 32.

явился в ряде сельских районов и приобрел ярко выраженный социальный характер, поразив наименее социально защищенные группы населения. В целом для населения области, как городского, так и сельского, он имел латентную форму. На фоне тяжелой эпидемической обстановки это привело к росту заболеваемости и смертности. Голод был преодолен к середине 1947 г., хотя проблемы со снабжением населения продуктами питания оставались. Тем не менее, показатели смертности вследствие инертности демографических процессов достигли докризисного уровня только к 1949 г. При этом произошло резкое увеличение смертности среди детей, смертность «помолодела». После преодоления кризиса наступил период стабилизации демографических процессов, характеризующийся постепенным снижением показателей смертности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков И.М. Колхозная деревня в первый послевоенный год // Вопросы истории. 1966. № 1.
2. История советского крестьянства. М., 1988. Т. 4: Крестьянство в годы упрочнения и развития социалистического общества. 1945 – конец 1950-х годов.

3. Волков И.М. Деревня СССР в 1945–1953 годах в новейших исследованиях историков (конец 1980-х – 1990-е годы) // Отеч. история. 2000. № 6.
4. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008.
5. Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.
6. Попов В.П. Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой Отечественной войны // СОЦИС. 1994. № 10.
7. Исупов В.А. «Черное пятно» в истории Сибири // Изв. Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия истории, философии и филологии. Новосибирск, 1990. Вып. 1.
8. Бурматов А.А. Голод в Новосибирской области (1946–1948 гг.) // Моя Сибирь: Вопросы региональной истории и исторического образования : сб. науч. тр. Новосибирск, 2002.
9. Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2003. Вып. 3: Налогово-податное обложение деревни. 1946–1952 гг.
10. Ильиных В.А. Хлебозаготовительная кампания 1946 г. в Новосибирской области // Иркутский историко-экономический ежегодник 2013. Иркутск, 2013.
11. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР. 1945–1953 : сб. док. М., 2002.
12. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. М., 1992.

Статья поступила
в редакцию 25.08.2013

УДК 94(47).084.8/084.9

С.Н. АНДРЕЕНКОВ

ПРИЧИНЫ И АЛЬТЕРНАТИВЫ РЕОРГАНИЗАЦИИ МАШИННО-ТРАКТОРНЫХ СТАНЦИЙ 1958 г.

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск,
E-mail: andreankov_sn@mail.ru

В статье анализируются важные проблемы аграрно-хозяйственной истории СССР 1950-х гг., связанные с разработкой и осуществлением государственных мер по повышению уровня механизации сельскохозяйственного производства. Автор проанализировал меры правительства по развитию МТС, проекты их реформирования в середине 1950-х гг. и попытался определить мотивы ликвидации станций в конце 1950-х гг. В статье отражены основные мнения исследователей о причинах реформы МТС и впервые в историографии освещается ее альтернативный вариант, отклоненный, с нашей точки зрения, по политическим соображениям.

Ключевые слова: машинно-тракторные станции, колхозы, реорганизация МТС, аграрная политика, Н.С. Хрущев, сельское хозяйство.

Целесообразность изучения темы обуславливается традиционно активным интересом исследователей к истории аграрных преобразований 1953–1964 гг. Важным их аспектом являлся демонтаж системообразующих структур сталинского аграрного строя, в число которых входили машинно-тракторные станции (МТС). Эти государственные предприятия создавались в годы сплошной коллективизации для проведения с помощью принадлежавших им машин и тракторных

бригад механизированных работ в колхозах. Сельхозартели, обладавшие только простым конно-ручным инвентарем, дорого платили за услуги станций и не имели права отказаться от них. Функции МТС на практике оказались намного шире – на них был возложен контроль над производством, учетом трудовых затрат, распределением доходов, соблюдением агротехники. В 1933–1934 и 1941–1943 гг. при станциях функционировали политотделы. Работники МТС, по сравнению с